

**Шмуэль Иосеф
АГНОН**

ПЕРВЫЙ ПОЦЕЛУЙ

*

Перевод, предисловие и комментарии
Семена Якерсона

*

Иллюстрации
Дины Якерсон



Санкт-Петербург
4 августа 2006

**РАЗМЫШЛЕНИЯ:
ЗАМЕТКИ ДИЛЕТАНТА**

שמואל יוסף עגנון Shmuel Yosef AGNON

הנשיקה הראשונה **FIRST KISS**

תרגום, מבוא והערות: Translation into Russian,
introduction & remarks:

שמעון יקירסון Sh. Yakerson
איורים: דינה יקירסון Illustration: D. Yakerson

סנקט-פטרבורג Saint-Petersburg,
י באב בשנת יובל שנים לשמעון לפ"ק August 4, 2006

ISBN 5-85803-332-6



9 785858 1033325

© Шмуэль Иосеф Агнон, 2006
© С. Якерсон, перевод, 2006
© Д. Якерсон, рисунки, 2006
Сделано в России в количестве
100 подарочных экземпляров
издательством «Петербургское
Востоковедение».

Выдающийся израильский прозаик, единственный лауреат Нобелевской премии по литературе (1966), писавший на иврите, Шмуэль Йосеф (Шай) Агнон (наст. фамилия Чачкес; 1887, Бучачич, Украина — 1970, Реховот, Израиль) за долгие годы творчества создал особенную, ни на что не похожую и мало с чем ассоциирующуюся литературную страну. Огромна по охвату и галерея героев Агнона, обитающих в «еврейской» Европе (я имею в виду не гетто, но территорию, ограниченную скорее образом жизни, исполненным национального колорита, нежели формальными границами) и в современном писателю молодом государстве Израиль. Однако нельзя сказать, что все эти персонажи населяют отдельную фантастическую страну «Агнонию», она — реальна, однако для меня как гебраиста эта страна определяется прежде всего фактором языка. Там говорят на очень своеобразном языке: не старинном, — стилизованном под Библию, Мишну, Талмуд или более поздние средневековые памятники, и не современном, — стремительно развивающемся языке Израэля, но на своеобразном, скупом и одновременно богатом, «угловатом», как сами еврейские буквы, и вместе с тем гибком, ни на что не похожем, узнаваемом с первой же фразы «арго» этой чудной и чудной страны.

Агнон — безусловный классик современной ивритоязычной литературы: автор ряда романов, множества рассказов и эссе. Сегодня он известен уже и русскому читателю. Его переводят — и, насколько я могу судить, совсем не плохо — профессиональные и полупрофессиональные переводчики, к цеху которых я себя, естественно, не причисляю. Но именно этот рассказ мне давно хотелось перевести на русский язык самому — и подарить свое понимание одного друзьям. Просто поделиться радостью чтения совершенно, по-моему, необычного произведения, которое, помимо несомненной литературной притягательности, еще и странным образом вплелось в мою судьбу.

О чем сначала, о судьбе или о рассказе? Наверное, все-таки о рассказе. Его сюжет я вижу сразу в двух или нескольких измерениях: я вижу небольшой городок в родной Агнону Галиции, вижу реальную ситуацию вечного противостояния «старого» и «нового» заветов или, если угодно, веры ветхозаветной и новозаветной. Я вижу ежедневный быт иудеев и христиан, пропитанный идеологической враждебностью и одновременно бытовым добрососедством, недоверием друг к другу и в то же самое время внутренним, невербализуемым ощущением (во всяком случае у христиан), что без «древних» нельзя. Они, гонимые, разбросанные по всему миру, бесправные, цепляющиеся мертвой хваткой за свои страные, смешные, «темные» обряды, многочисленные запреты, заповеди, обеты и заповеди, все же были когда-то, пусть и очень давно, богоизбранным народом. И с этим не поспоришь. А вдруг они, закаменевшие в своем упорстве, «жестокосердые», как сказано в Писании, вдруг — правы? Вдруг Бог просто испытывает их веру, как когда-то испытывал библейского Иова, и хулители их — лишь слепое орудие в деснице Его? Вдруг гонителям иудеев, их кровь проливающим, их детей уводящим и насильно отлучающим от лона Израиля, воздастся по заслугам, и пролившая кровь отомщена будет, как уже неоднократно бывало в древности?

Страшно. Но страшно и евреям. Неколебимые в вере, они все же наказаны. Может, Бог и не расторг с ними союза, но отвернулся, «обиделся» за что-то. И вдруг и вправду за «того самого человека» (так называет Иисуса Христа Агнон в одном из своих рассказов), которого иудеи не поняли и не приняли? Прямых указаний нет, одни лишь намеки на косвенные свидетельства то ли за, то ли против...

На этом фоне и происходит в символическое время (канун субботы) встреча еврейского подростка с католическими монахами. Монахи, конечно, не простые. Это понятно. Они — соблазнитель, сила зла, «ситра ахра»¹ по каббалистической терминологии, искушенная в деле уловления неокрепших душ. Монахи и заход солнца могут задержать, и часы оста-

¹ Арамейский яз. — אַחַר הַשֶּׁמֶשׁ («другая сторона»), часто встречающаяся в каббалистических текстах метафора для обозначения демонической силы.

новить, и службу синагогального «заткнуть» (не созывает к молитве «еврейский муаззин», значит, еще не наступила святая суббота, значит, еще можно вести праздные беседы...). Но дело еще сложнее. Повествование сталкивает подростка с силой, гораздо более могущественной, чем все слуги сатаны и ангелы божьи, вместе взятые: с силой первого, чистого и победительного чувства любви. Юноша-иудей встречает молодого послушника из католического монастыря и испытывает к нему необъяснимое физическое влечение. Послушник оказывается девицей, да еще и еврейкой, да к тому же дочкой набожного праведника. Но не так важно это, как то, что герои сливаются в поцелуе библейской силы и мощи. И сила подобного поцелуя оказывается сильнее всех выстроенных людьми запретов и надуманных преград. Ведь сказано о любви в Святом Писании: «Сильна как смерть любовь» (Песнь Песней 8: 6), или «Все преступления покрывает любовь» (Притчи Соломона 10: 12), или «Совершенная любовь изгоняет страх» (1 Писание Иоанна 4: 18), и что возразишь, что противопоставишь?

Рассказ заканчивается удивительным по силе гимном первому и потому чистому и непорочному человеческому чувству. Библейскому в смысле первозданности и, соответственно, чистоте и глубине ощущение *первого поцелуя*. А все остальное в жизни, как говорил великий еврейский мудрец Гиллель (конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.), комментари.

И еще немного о рассказе. Он наполнен библейскими ассоциациями, аллюзиями, парафразами и скрытыми цитатами. Чем ближе читателю мир Святого Писания и его восприятие средневековыми мудрецами, авторами тех текстов, на которых вырос и сформировался писатель¹, тем «вкуснее» и многослойнее для него агноновский текст.

¹ Вот отрывок из Нобелевской речи Агнона, который дает представление об этой традиции: «Кто был мой учитель в литературе?.. Всему предшествует Священное Писание — по нему я учился складывать буквы. За ним идут Мишна, Талмуд, Мидраш (фольклорные толкования сакральных текстов — С. Я.), комментарий Раши к Пятикнижию. После них — позднейшие толкователи Талмуда и наши великие поэты и мудрецы средних веков...».

Теперь немного о судьбе, или, точнее, о стечении обстоятельств.

Моя профессия — еврейские средневековые книги. Двадцать пять лет, ровно половину своей жизни, я занимаюсь изучением и научным описанием еврейских рукописей и первопечатных книг (инкунабулов); современных же израильских авторов читаю как любитель языка и литературы, при этом Агнон — один их самых любимых. С ним у меня всегда было ощущение личной связи и тайной сопричастности. В течение многих лет я работал в Фонде Манфреда Леммана в Нью-Йорке, которым руководил бывший личный секретарь Агнона Элазар Гурвиц¹. Он ездил с Агноном в Стокгольм на вручение Нобелевской премии и подробно рассказывал мне о казалась бы смешной для современного человека проблеме. По этикету, на церемонии в присутствии короля все приглашенные должны предстать с непокрытыми головами, но Агнон, представлявший впервые *urbi et orbi* («городу и миру») Израиль, хотел остаться в ермолке. Агнон искал компромиссное решение, чтобы не оскорбить торжественную церемонию. И выход нашелся: Гурвиц также пришел на прием в ермолке и таким образом поддержал лауреата.

Главным моим наставником в науке, человеком, который когда-то буквально за руку ввел меня в мир еврейских средневековых рукописей (до встречи с ним я занимался только печатными книгами), был выдающийся израильский ученый Малахи Бейт-Арье², хотя он и не учил меня в прямом смысле этого слова, но лишь пригласил работать вместе и в процессе работы превратил в «рукописника». Эстет, прозаик и поэт, тонкий ценитель музыки, женской красоты и литературы, Бейт-Арье на долгие годы стал для меня символом интеллектуального Израйля. Я знал, что в

¹ Плодом нашего сотрудничества стала монография: Ohel Hayim. A Catalogue of Hebrew Manuscripts of the Manfred and Anne Lehmann Family. Vol. 3: Printed Books. Incunabula and Sixteenth Century Books. Prepared by Shimon M. Iakerson with Participation of Elazar Hurvitz. New York, 1996 (на иврите и англ. яз.).

² Три первых тома нашего коллективного труда уже изданы: Codices hebraicis litteris exaratis quo tempore scripti fuerint exhibentes: Tome I—III. M. Beit-Arie, C. Sirat, M. Glazer avec la collaboration de Tamar Leiter, Shimon Iakerson... Vrepols, 1997—2002 (на иврите и фр. яз.).

молодости Малахи дружил с Агноном, часто расспрашивал его об этом и, опереживая рассказам, вновь ощущал свою сопричастность творчеству знаменитого писателя...

Рассказ «Первый поцелуй» попался мне на глаза совершенно случайно. Провокационный со многих точек зрения, наполненный скрытой эротикой и непонятными намеками (или, вернее, намеками, которые не все хотели понимать), опубликованный впервые во враждебном ортодоксам «ханаанейском» журнале¹, не включенный в собрание сочинений классика, он сразу показался «своим», будто бы для меня написанным маленьким шедевром. Я стал говорить о нем, делиться радостью открытия со своими израильскими друзьями и к своему удивлению увидел, что произведения этого никто не знает. Со странным ощущением — радости от открытия рассказа и удивления от его безвестности, я пришел к гостю к Малахи Бейт-Арье. Когда я кончил говорить о рассказе, он хитро улыбнулся, вышел из комнаты и вернулся, держа в руке несколько листов. Это был автограф «Первого поцелуя», подаренный ему Агноном. Я смотрел на мелкие, чуть недописанные буквы (как палеограф, я бы назвал их «полукурсивными») и не переставал удивляться поворотам судьбы. Малахи, мой добрый гений, хранитель сокровенных секретов еврейских рукописей, оказался также хранителем дорогого для меня автографа! Ему я и посвящаю этот перевод.

И, как говорится, «'ахарон 'ахарон хавив» («самый последний, самый желанный», *האחרון האחרון*). Хочется отметить самое для меня важное — подарок, который к моему юбилею приготовила моя старшая дочь Дина. Я имею в виду иллюстрации. Я пишу эти строки, не видя самих рисунков. Но зная общий стиль Дининой графики, четкость линий и их эмоциональную насыщенность, я не сомневаюсь в прелести будущих

¹ «Кена'аниты» (כנענים) или по-русски «ханаанейцы» — объединение израильских интеллектуалов (40—60 гг. XX в.), искавших истоки формирования новой израильской нации в ближневосточной «предыстории» (*ханаане*) и полностью отрицавших ортодоксальный иудаизм и еврейскую цивилизацию диаспоры. Первая публикация рассказа: журнал «Кешет» («Радуга»), т. 5, часть 19 (1963 г.).

рисунков. При этом я бы хотел отметить еще одно, может быть, и для самой художницы удивительное соображение. С рождения Дины я решил говорить с ней только на иврите и, надо сказать, достаточно долго мне это удавалось. Дина росла может и не билингом, но пассивно иврит знала. Это было в советскую эпоху, за железным занавесом. Язык, на котором мы говорили, как я понимаю сегодня, был достаточно странным и совершенно не современным. Его основным лексическим источником была как раз проза Агнона, которым я тогда очень увлекался. Тот самый своеобразный, скупой и одновременно богатый, «угловатый», как и еврейские буквы, и вместе с тем гибкий, ни на что не похожий «арго» и стал на какое-то время вторым языком моей дочери. Судьба распорядилась так, что Дина с семи лет живет в Израиле, теперь она прекрасно говорит на современном иврите и сегодня, конечно, вряд ли помнит, как мы искусственно пытались беседовать на языке Агнона в маленькой комнатке коммуналки в доме № 7 по улице Рылеева. Но где-то глубоко внутри, я уверен, предзнание языка Агнона в ней осталось (может быть даже на уровне генетической памяти), и поэтому у меня нет сомнений, что мы одинаково воспринимаем этот чудной и чудный рассказ.

И самое последнее. Я хочу поблагодарить моих друзей и коллег, которые на разных этапах претворения этого проекта в жизнь взяли на себя труд прочтения моего перевода и высказали замечания, большинство из которых было учтено мною с благодарностью. Спасибо Игорю Воевуцкому, Александру Жмудю, Нине Зониной, Самуилу Лурье, Лене Осташевской, Ольге Трофимовой и моей жене Лене Юзбашян.

Да будут все они благословенны – יבואו כולם על הברכה –
6 таммуза 5766 / 2 июля 2006 г. Санкт-Петербург